

УДК 355.01
ББК ТЗ

ГСНТИ 16.01.07; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Ю. Р. Тагильцева Yu. R. Tagiltseva

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ВОЙНА И МИР:
ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВЫХОДА
ИЗ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ**

**WAR AND PEACE:
THE MAIN WAYS OUT
OF THE INFORMATIONAL-PSYCHOLOGICAL
WAR**

Аннотация. Рассмотрены наиболее часто применяемые, а также менее распространенные способы выхода из информационно-психологического противостояния: конструктивный и межкультурный диалоги, политический и коммуникативный компромиссы.

Abstract. Most and least frequently used ways out of informational-psychological confrontation are studied, among them are constructive and intercultural dialogues, political and communicative compromise.

Ключевые слова: информационно-психологическая война; конфликт; способы выхода из конфликта; межкультурный диалог; политический компромисс; коммуникативный компромисс.

Key words: informational-psychological war; conflict; ways out of the conflict; constructive dialogue; intercultural dialogue; political compromise; communicative compromise.

Сведения об авторе: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

About the author: Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Advertising and PR.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 402.
e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Все чаще нам приходится сталкиваться в СМИ и научно-исследовательской литературе с понятием «информационно-психологическая война». При этом, как правило, рассматриваются механизмы реализации данного феномена с психологической и тактической точек зрения, и гораздо реже идет речь о последствиях и способах разрешения конфликта. Изучение информационно-психологической войны с позиции выявления причинно-следственных связей дает возможность разработать методологический анализ этого исследовательского объекта, который позволит рассмотреть психологические и тактические компоненты информационно-психологической войны не в отдельности, а в их взаимосвязи, чтобы не просто описать событие, воссоздать его картину, а прежде всего выявить причинно-следственные связи для понимания сути проблемы и разработки сценария разрешения столкновения.

Основными компонентами анализа стали:

1. Ориентированность информационно-психологической войны.
2. Описание сложившегося конфликта.
3. Исторический аспект возникновения конфликта.
4. Участники конфликта.
5. Уровень включенности в конфликт.
6. Цели информационно-психологической

войны (кампании).

7. Этапы реализации информационно-психологической войны.
8. Методы и приемы информационно-психологического воздействия.
9. Инструменты (средства) информационно-психологического воздействия.
10. Социальные последствия.
11. Сценарии разрешения конфликтной ситуации [Тагильцева 2012].

Как видим, именно на заключительном этапе исследования появляется возможность, исходя из специфики конфликта, разработать возможный сценарий его разрешения. Это прежде всего объясняется тем, что на начальных стадиях созревания международных конфликтов очень трудно предложить сценарий выхода из ситуации, ибо необходимо понять причины и следствия конфликта, а для этого нужно, чтобы он хотя бы преодолел стадию зарождения и начал развиваться.

Поскольку цель информационно-психологической войны — обеспечить информационное доминирование над противником, чтобы он не смог воспользоваться иными источниками информации для понимания сложившейся ситуации и дальнейшего реагирования, а субъектами воздействия становятся не только информационные системы, но прежде всего сознание людей, у которых

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Тагильцева Ю. Р., 2013

необходимо сформировать или корректировать определенное мнение, поведение, представления о потенциальных противниках, то и выходить из такого конфликта — информационно-психологической войны — нужно также мягко и ненавязчиво.

Предлагаемые нами способы выхода выстроены на принципе диалога, поэтому перед их описанием необходимо сделать отступление, посвященное такому феномену, как «диалог».

Как известно, слово «диалог» восходит к греческому «dialogos», означающему разговор, беседу. В современном философском словаре встречаем следующее определение: «*диалог* — это информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание» [Новейший философский словарь].

Если обратиться к коммуникативно-теоретическим положениям, то специфика каждого диалога определяется следующими условиями:

- 1) наличие двух или более сторон, т. е. определенное количество различий;
- 2) взаимный обмен информацией, такой, что обе стороны могут в равной степени высказаться;
- 3) готовность понять информацию либо точку зрения другой стороны;
- 4) разработка совместного языка (не только вербального) либо других общностей;
- 5) попытка увидеть себя со стороны [Чернокожева 2009].

Без этих основополагающих характеристик диалог невозможен.

В дипломатии можно встретить термин «политический диалог». Если говорить кратко, то это, как отмечает А. Мусабаев в своей работе «Диалог как конструктивный способ политической коммуникации», «способ выражения политических взглядов, мнений и оценок политических субъектов, посредством которого достигается понимание и согласие между субъектами» [Мусабаев].

На сегодняшний день можно выделить два основных вида политического диалога:

– диалог, от которого ожидается достижение некоторого результата (продукта). Сюда можно отнести диалоги по стратегическим вопросам (по выработке национального видения, проекта будущего, разработке национальной программы развития и т. д.), но они приемлемы только тогда, когда конфликт угасает и когда участникам предоставляется возможность самим разрабатывать и предлагать альтернативные сценарии;

– диалог, цель которого — добиться определенных изменений в социальной или по-

литической сфере. Такие диалоги организуются «для выработки рекомендаций и конкретных предложений разных групп интересов по решению вполне конкретной проблемы. Все такие виды диалога нацелены на изменение мнений, позиций, поведения участвующих сторон, на сближение позиций» [Там же]. Именно данный тип позволяет заложить основу «для конструктивного разговора и базовых навыков сотрудничества с оппонирующими сторонами. То есть в некотором роде — это „подготовительные“ диалоги, которые затем могут вести к переговорам или к новым инициативам. Например, это подготовительный диалог для приведения конфликтующих сторон к согласию провести переговоры с целью остановки военного или другого конфликта, достижения компромиссного соглашения, признания властью легитимности противостоящих ей политических партий, согласования „правил игры“ или кодекса чести между противоборствующими политическими партиями, чтобы предотвратить потенциальную угрозу насилия в политически турбулентной ситуации» [Там же].

Таким образом, диалог — это прежде всего инструмент, посредством которого можно достичь соглашение, но никак не стратегия достижения изменений, и возможные сценарии выхода из конфликта зависят от того, чего мы хотим от диалога.

Наиболее часто используемым на сегодняшний день способом выхода из затянувшегося конфликта является конструктивный диалог, который предполагает процесс реального взаимодействия, в ходе которого участники стремятся не просто представить свою идею по какому-либо вопросу, а прежде всего выслушать другую сторону, заботясь о том, чтобы разговор был полезен для всех сторон. Это может заложить основу для принятия компромисса, в том числе политического. Менее распространены межкультурный диалог и коммуникативный компромисс.

Понятие межкультурного диалога опирается на концепцию диалогизма М. М. Бахтина, согласно которой диалог подразумевает вопрос и ответ на него, поиски глубинной истины и смысла, выход за пределы понимаемого [Бахтин 1986].

Как отмечает В. Примин, «межкультурный диалог — это способ межкультурной коммуникации, направленный на взаимопонимание и взаимообогащение общающихся субъектов» [Примин 2009].

Э. Чернокожева считает, что «межкультурный диалог — это развивающийся, протекающий в рамках взаимного уважения процесс интерактивного обмена между ин-

дивидуумами, группами и организациями с различными культурными корнями и мировоззрениями. К его целям принадлежат развитие более глубокого понимания различных перспектив и отношений, привлечение к участию в общественной жизни, улучшение способностей и возможностей самооценки, равенство возможностей и творческое сози­дание» [Чернокожева 2009].

Исходя из вышесказанного, беремся утверждать, что стратегия межкультурного диалога ставит перед собой задачу признания «другой» стороны и ее привлечения к общению, возможному только благодаря диалогу культур. Важную роль здесь играет нахождение единых точек соприкосновения культур: на первый план выдвигаются общечеловеческие ценности — семья, уважение к личности человека, совести, достоинства, — через которые и будет выстраиваться межкультурный диалог.

Однако в реализации межкультурного диалога существуют свои подводные камни. Прежде всего, как отмечает В. П. Ширяев, подобные диалоги, содержащие в себе «неравные условия межкультурных обменов и установление аудиовизуальной олигополии» [Ширяев 2010], могут привести к угрозе культурной безопасности: «В этом контексте безопасность может быть определена как „способность общества сохранять свой определенный характер, несмотря на меняющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы“; точнее, она включает постоянство традиционных схем языка, культуры, ассоциаций, идентичности и национальных или религиозных практик, при учете изменений, которые, по общей оценке, являются приемлемыми. Такое понятие безопасности справедливо рассматривается как предмет фундаментальной потребности, предмет озабоченности каждого общества, включая как его культурные проблемы, так и центральные вопросы международных отношений, к которым необходимо обращаться в существующих условиях» [Там же]. В связи с этим для эффективного межкультурного диалога между государствами, этносами необходимо получить «положительные» развернутые ответы на три основополагающих вопроса:

- 1) насколько вообще важен диалог между культурами;
- 2) как мы должны осмысливать культуры и отношения между культурами;
- 3) что нужно делать для того, чтобы организовать сбалансированные межкультурные диалоги [Там же].

Для примера рассмотрим ситуацию, в которой оказались лужицкие сербы в Германии и Европе, изложенную, например, в статье К. Шевченко «Лужицкие сербы в Герма-

нии: уцелеет ли самый малый славянский народ в XXI веке?» [Шевченко 2011].

Лужицкие сербы, составляющие самый малый славянский народ, проживающий в федеральных землях Саксония и Бранденбург на юго-востоке ФРГ, напрямую происходят от автохтонного славянского населения, занимавшего в раннее Средневековье значительную часть территории современной Восточной и Центральной Германии. Лишь южная ветвь полабских славян — лужицкие сербы — сохранили славянский язык и национальное самосознание до настоящего времени. Во времена ГДР численность лужицких сербов обычно оценивалась в 100 тысяч человек. По уточненным после 1989 г. данным, количество тех, кто относил себя к серболужицкой национальности, составляло около 67 тысяч человек. При этом число владеющих серболужицким языком не превышало 59 тысяч человек.

Несмотря на множество пессимистических прогнозов, лужицкие сербы сохранились как этнос к началу третьего тысячелетия. Это наверняка удивило бы тех, кто предсказывал серболужицкому народу скорую и неизбежную германизацию. XX в. стал самым тяжелым испытанием для сербов-лужичан. Тем не менее они сумели пережить и две мировые войны, негативно сказавшиеся на генофонде серболужицкого народа, и жесткую ассимиляторскую политику Веймарской республики, и период гитлеровского нацизма, когда не только находилась под запретом вся серболужицкая национальная жизнь, но и отрицалось само существование сербов-лужичан, объявленных идеологами нацизма «немцами, говорящими по-вендски».

Только полный разгром нацистской Германии Советским Союзом и приход Красной армии спасли лужицких сербов от полного уничтожения, но и впоследствии их ждали испытания: аграрная реформа 1952 г., согласно которой 5 восточногерманских земель были поделены на 14 округов и лужицкие земли вновь оказались разделенными, на этот раз между округами Дрезден и Коттбус; постановление Министерства образования ГДР от 2 ноября 1962 г., в соответствии с которым в школах типа «А» с пятого класса языком преподавания становился немецкий; буквально через два года появилось постановление от 30 мая 1964 г., которое объявляло изучение серболужицкого языка необязательным, так что число учеников, изучавших серболужицкий язык, сократилось с 12 000 до 3 000; в 1980-х гг. — программа индустриализации Средней и Нижней Лужицы, приведшая к росту миграции немецкого населения на лужицкие земли,

к усилению процессов урбанизации и, как следствие, к дальнейшему изменению этнического баланса населения в пользу немцев, в первую очередь в округе Коттбус; развитие угольной промышленности, повлекшее за собой исчезновение десятков серболужицких деревень и переселение их обитателей в города; в марте 1990 г. в ГДР было восстановлено традиционное деление на земли, в результате чего лужицкие сербы вновь оказались разделены между Саксонией, в состав которой вошла большая часть Верхней Лужицы, и Бранденбургом, который включал всю нижнюю и северную часть Верхней Лужицы; демонстрации на территории расселения сербов-лужичан, в которых использовались не только антикоммунистические, но и антисерболужицкие лозунги, такие как «Коммунистов и сербов в газовые камеры» или «Иностранцы и венды — вон!»; 2000-е гг. прошли под знаком сокращения преподавания на серболужицком языке, закрытия серболужицких школ.

Исходя из сложившейся ситуации, проанализировав огромный массив документов, Э. Чернокожева предложила четыре последовательных этапа развития межкультурного диалога между сербами и германцами:

«Наметить пути (дискриминирующая и обособляющая практика должны быть признаны).

Устранить преграды (предрассудки, расизм и стереотипы, мешающие равноправному диалогу).

Объединять (через программы и мероприятия в сфере образования, искусства и средств массовой информации).

Совместно изучать пространство (совместное использование пространства или „платформы“, в которых возможен свободный и толерантный обмен идеями, опытом и религиозными убеждениями и которые способствуют свободному участию в интерактивной коммуникации)» [Чернокожева 2009].

Результатом данного диалога должна стать «бикультурация, многократное совпадение, двуязычие». Однако сразу возникает вопрос, нужна ли бикультурация: во-первых, готовы ли сами лужицкие сербы к дальнейшему ассимилированию в германском пространстве, готовы ли они к стиранию культурных границ, готовы ли они перестать существовать как отдельный самостоятельный этнос, во-вторых, готовы ли сами немцы идти на диалог культур, несмотря на то что веками территориально и «этнически» притесняли сербов. Этот вопрос предстоит решить обеим сторонам конфликта. Ясно только одно: если в ближайшее время данная проблема не решится, возможно, лужицкие

сербы прекратят свое существование как этнос.

Теперь обратимся к рассмотрению политического и вытекающего из него коммуникативного компромисса.

Политический компромисс сегодня воспринимается прежде всего как политическое соглашение, заключенное между конфронтационными политическими силами, в качестве которых могут выступать различные партии, организации, государства. Подобное соглашение предполагает наличие уступок, в основе которых лежит самоограничение политических сил, их устремлений, отказ от второстепенных целей.

Итак, компромисс — это прежде всего способ разрешения конфликта, основанный на взаимных уступках.

Как отмечает А. В. Глухова, компромисс включает такие признаки, как собирание, объединение, сотрудничество взаимодействующих сторон, и в то же время некоторые характеристики взаимного исключения, противоборства, конфликтности, которые проявляются в отношениях между ними: «Компромисс наилучшим образом характеризует сущность мирного регулирования конфликта, поскольку ориентирован на исключение его насильственных форм, на снижение интенсивности. Более того, он означает существенные подвижки в позициях конфликтующих сторон, поскольку, по справедливому замечанию Р. Арона, „в конце концов соглашаться на компромисс — значит отчасти признать справедливость чужих аргументов, находить решение, приемлемое для всех“» [Глухова].

Во внутренней и внешней политике политический компромисс стал естественным средством снятия информационно-психологического противостояния.

При разрешении политического (информационно-психологического) противостояния порой сохраняется устойчивое негативное отношение противоборствующих сторон друг к другу. Оно выражается в негативном мнении о противнике и негативных эмоциях по отношению к нему. В связи с этим возникает ряд закономерных вопросов. Как сгладить возникшие в ходе политических конфликтов углы, непонимание, неприемлемость той или иной стороны? Как происходит укоренение этого компромисса в сознании?

Применительно к предмету нашего разговора — информационно-психологической войне — предлагается использовать термин «коммуникативный компромисс», под которым понимается и состояние, характеризующее один из вариантов выхода (завершения) из информационно-психологической

войны или противостояния, и совокупность информационно-психологических методов и средств, направленных на корректирование негативных мнений, настроений, поведения и оценок в период достижения политического компромисса между противоборствующими сторонами.

Основополагающим принципом коммуникативного компромисса должен стать принцип «единства, паритета принятого решения», т. е. он не должен вызывать чувство собственной слабости у одной из сторон. В соответствии с этим каждая из сторон должна сохранять в глазах аудитории видимость достижения цели, непоколебимости собственной позиции и ценностей. Нет необходимости открыто дезавуировать собственные информационные атаки, а примирение в глазах обеих сторон конфликта и в глазах сторонних наблюдателей должно выглядеть как жест «доброй воли».

Механизм коммуникативного компромисса сводится к следующим моментам.

Во-первых, смена негативной тональности дипломатической лексики на положительную. В сообщениях СМИ о встрече министров иностранных дел и первых лиц некогда конфликтующих сторон, в ответах официальных представителей министерства иностранных дел на вопросы СМИ, в выступлениях министра должны встречаться словосочетания с лексемами «диалог», «отношения», «сотрудничество», «взаимодействие», «партнерство». Именно они будут способствовать созданию положительного образа государств в сознании массового потребителя информации.

Во-вторых, использование в СМИ некоторых методов манипулирования, способных корректировать негативный образ, созданный ранее, в период конфронтации между странами:

– «образ врага» трансформируется в «образ друга» или «образ партнера», т. е. искусственно создается дружелюбие, в результате чего после накала эмоций массы могут погрузиться в состояние, схожее с измененными состояниями сознания. (Для примера можно вспомнить советско-финляндские отношения: в период Второй мировой войны в сознании советских масс усиленно создавался образ Финляндии как «врага», угрожающего северным территориям страны, но сразу же после окончания войны начал формироваться «образ партнера» — маленькой, мирной, трудолюбивой страны. Одно из главных достижений совет-

ско-американской дипломатии, так называемый «Договор о разрядке напряженности, ограничения гонки вооружения» 1975 г. известен в истории под названием «Хельсинских соглашений», потому что данный документ был подписан в столице Финляндии. Выбор города был не случаен, потому что Финляндия, хоть и не входила в состав коммунистического блока, но прочно воспринималась как нейтральный и дружественный партнер.);

– задействование «лидеров мнений»;
 – «повторение», базирующееся на простом многократном повторении какой-либо информации, в результате чего подобная информация может прочно закрепиться в памяти аудитории и в дальнейшем актуализироваться.

В-третьих, использование «белой» пропаганды, направленной на формирование положительного образа сторон-партнеров. При ведении подобной пропаганды возможны следующие приемы информационно-психологического воздействия:

– «перенос», или «трансфер»;
 – «ссылка на авторитет».

В-четвертых, для пропагандистской трансляции партнерских (дружественных) отношений нужно обращаться к таким средствам информационно-психологического воздействия, как СМИ, кино и видеоматериалы пропагандистского характера, Интернет, вспомогательная деятельность посредством специальных мероприятий, акций.

В-пятых, выстраивание межкультурного диалога на разных уровнях: как на собственно культурном, так и на социально-экономическом (например, поставки вина и минеральной воды).

Коммуникативный компромисс эффективен в том случае (оговоримся, что это не всегда достигается), когда стороны понимают, что победа в информационно-психологической войне не может быть окончательной, она недолговечна, и через какое-то время противостояние, нежелательное для победившей стороны, а нередко и неконтролируемое ей, может вспыхнуть вновь.

Конечно, немаловажно наметить пути выхода из конфликтной ситуации и предпринять шаги по их реализации, но важно и то, чтобы сознание общества, постоянно испытывающего информационно-психологическое воздействие, могло оперировать и позитивными моделями решения проблем, связанных с информационно-психологическим противостоянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — М., 1986. С. 473—500.

2. Глухова А. В. Компромисс и консенсус как методы регулирования и разрешения политических конфликтов. URL: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/glukhova4.htm> (дата обращения: 10.04.2013).

3. Мусабиев А. Диалог как конструктивный способ политической коммуникации // Школа публичной политики : сайт. URL: http://www.publicpolicy.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=1530%3A-q-q&catid=52%3A2010-10-15-11-48-53&Itemid=1 (дата обращения: 10.04.2013).

4. Новейший философский словарь : сайт / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. URL: <http://www.philosophi-terms.ru/> (дата обращения: 10.04.2013).

5. Примин В. Межкультурный диалог в полиэтничном обществе // Общество и этнополитика : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (1 апр. — 15 июня 2009 г.) / под ред. Л. В. Савинова ; СибАГС.— Новосибирск, 2009. С. 116—121.

6. Тагильцева Ю. Р. Информационно-психологическая война: методологический анализ // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 4 (42). С. 175—179.

7. Чернокожева Э. Межкультурный диалог: концепты и практические шаги // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2009. № 1. С. 105—109.

8. Шевченко К. Лужицкие сербы в Германии: уцелеет ли самый малый славянский народ в XXI веке? 2011. 24 янв. // Западная Русь : сайт. URL: <http://zapadrus.su/slavm/slobsm/245--xxi-.html> (дата обращения: 10.04.2013).

9. Ширяев В. Культурная безопасность и межкультурные диалоги // Власть. 2010. № 1. С. 95—99.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева